

Анастасия
Демишкевич

Совушкины сказки

*странные
и жуткие сказки
о реальности*

Анастасия Демишкевич

Совушкины сказки

«Издательские решения»

Демишкевич А.

Совушкины сказки / А. Демишкевич — «Издательские решения»,

Не все сказки пишутся для детей, и не все сказки заканчиваются хорошо. Скорее наоборот. Вместо Бабы-Яги — белая горячка, вместо волшебного мира — бесконечный ночной кошмар.

Содержание

Белая	6
Жило дерево	8
Сова дядя Ваня	9
Невеселая история	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Совушкины сказки
странные и жуткие сказки о реальности
Анастасия Демишкевич

© Анастасия Демишкевич, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая

– Пьешь? Спросила Белая.
– Пью, – ответил дядя Гриша. Компанию составлять будешь?
– Не буду, – презрительно скривилась Белая. Пойду лучше к Ваньке с третьего.
– К Ваньку? Так он же малой еще, – удивился дядя Гриша.
– Малой – не малой, не твое дело! Огрызнулась Белая. Вы, старые пьянчуги, вот у меня уже где. Молодого, сочного хочется.

Ваня был последним человеком, на которого Белая могла обратить свое внимание. По крайней мере в этом доме. Ваня был маленьким человеком. Ребенком, проще говоря.

Было тихо. Все по своим постелям: храпел отец, сопела бабушка, кот Барсик урчал. Ване спать не хотелось. Он радовался тому, что завтра с отцом они пойдут в зоопарк, смотреть на тигров, оленей, сов и кабанов. Ваня редко видел отца, как-то в сентябре отец уехал и больше не возвращался. Позже выяснилось, что Ваня теперь может ездить к отцу в гости, как к чужим.

– Совушка прилетит, собаченька придет, лисонька хвостиком укроет, – шептал Ваня.

Мама всегда укладывала его спать с этими словами, как бы снимая с себя ответственность, и отдавая ее другим. И действительно, как она может защитить Ваню во сне? А вот лисонька и собаченька могли это сделать. И делали – хранили Ваню.

Никто не слышал, как вошла Белая. Она бесшумно скользнула по коридору и ловко, для своих лет, запрыгнула в постель к Ване. Холодное и липкое прикоснулось к нему, Ваня закричал, но не услышал своего голоса. В кровати его лежала какая-то старая тетка, и тяжело дышала ему в ухо.

– Кто ты? Что тебе надо? Голос вернулся откуда-то из пяток.

– Я – Белая. А надо мне тебя, мальчишка. Белая ближе придвинулась к Ване и запустила цепкие пальцы ему в волосы.

– Меня? Я тебя не знаю.

– Не знаешь, так узнаешь. Знание – сила! Или как там у вас в школе говорят. Белая беззубо захихикала.

– Исчезни! Крикнул Ваня, рукой нащупывая выключатель прикроватной лампы. Ваня был умный мальчик и знал, что в темноте может привидеться всякое, а свет всегда спасителен. Ничего не произошло, свет не загорелся. А Белая продолжала прижиматься к Ване, быстро ощупывая его шею, плечи, спину, как будто что-то искала.

– Отпусти меня! Отстань! – Крикнул Ваня, как мог громко. Страх медленно закатывал его в кокон, и голос отказывался слушаться.

– Не отпуска. Я тебя поймала, малец, – захохотала Белая, – крепко держу, не отпустиууууу.

От Белой пахло чем-то кисло-сладким и тяжелым. Так иногда пахло от соседа дяди Гриши. Ваня запомнил этот запах, он был противен ему, но когда он вдыхал его, то не мог насытиться. Ему казалось, что вот-вот на следующем вдохе из омерзительного он превратится в прекрасный. Но этого никогда не происходило.

– Мапочка, помоги! – просил Ваня, вырываясь.

Когти Белой вонзились в шею Вани, она специально отрастила их для этого случая. Белая, чавкая от удовольствия, раз за разом втыкала когти в бьющееся тело, с каждым разом все глубже и глубже.

– Помогите! Мама, Папа! – звал Ваня. Боль и ужас все сильнее опутывали его, и не мог он выбраться из страшных объятий.

– Нет мамы, нет папы. Только ты и я, – шептала Белая, облизывая ухо Вани. Никто тебя не спасет, никого больше нет. Она добралась до мышц и связок и, причмокнув, стала их рвать, как мокрую бумагу.

Сил не осталось у Вани. Белая вгрызалась в него, в самую его сущность. Ни в кожу, ни в жилы, ни в кости, а в самого него.

– Совушка прилетит, собаченька придет, лисонька господи помоги! Господи, помоги! – Закричал Ваня и проснулся.

Ваня вскочил с кровати и, чувствуя внутри себя Белую, кинулся прочь. Врезаясь в стены, он бегал из комнаты в комнату и нигде не находил убежища. Ему хотелось выплюнуть ее, выкричать, выплакать.

– Господи, помоги. Господи помоги! – Просил он и плакал.

Все в доме повскакивали. Отец, бабушка, кот. Дедушка заворочался в своей комнате.

– Ванечка, Ванечка, что с тобой? Испуганно лепетала бабушка.

– Припадок у него какой-то, – заключил отец, крепко схватив Ваню за плечи, – а ну ка проснись! Иван, проснись.

– Как будто белая горячка, – сказала бабушка и перекрестила Ваню.

– Какая белая горячка? Заранее что ли пришла? Ерунду не говори! Прикрикнул на бабушку отец.

– Иван, проснись!

Ваня проснулся. Прожил до тридцати одного года и умер от алкоголизма.

Жило дерево

Ветер разглаживает мои морщины, он бедолага старается, но слишком уж они древние, слишком глубоко врезались. Не под силу с ними справиться даже ему. Да и зачем?

Я старо, отголоски былых мыслей долетают до меня, они шуршат и перешептываются, каждый новый листик пытается напомнить мне о чем-то. Но их все меньше. И все меньше воспоминаний.

Долго я стою на этом холме. Солнце пригревает меня, и я жмурюсь от его ласковых лучей, дождь омывает меня и избавляет от усталости, птицы находят приют в моей поредевшей шевелюре. Когда-то она была густой и белокурой. Когда-то я было мальчишкой.

Когда-то я было мальчишкой. Но я совсем ничего не помню об этом. Мне помнится старик, он что-то все время записывал, а замусоленный карандаш выскальзывал из его слабеющих пальцев, разрастающихся и превращающихся в узловатые ветви.

Старик знал, что ему осталось недолго. Но он не понимал, почему никто не видит происходящих с ним изменений. «Ну, а вы что хотели? Возраст», неизменно говорила угрюмая не по годам санитарка. Дома у нее был маленький ребенок, неоконченный ремонт и бутылка коньяка. Ей было не до стариковских причуд.

– Возраст, – вздыхал старик. С возрастом приходят болезни и немощь. И одеревенелость. Вот это последнее и беспокоило старика. Он не просто умирал, он превращался в дерево.

Сначала появились почки. Они умели казаться обычными родинками, которыми и были раньше. Когда-то маленькая девочка считала их и говорила: «Бородавчатый ты, как лягушенька». И вот давно уже нет этой девочки на свете, а родинки есть. И с каждым днем они все больше, и листья пробиваются сквозь них. Санитары в хосписе не видят этого. Не хотят замечать и ставят очередную капельницу. А старик чувствует, как рвется его ветхая кожа под напором молодого и сильного. Он кричит от боли, но все кричат от боли здесь. В стройном хоре предсмертных криков, его собственный едва слышен.

Становиться деревом больно. Кому-то повезло и он просто проснулся однажды березой или тополем, старик же мучился, с трудом расставаясь с самим собой.

За почками стали пробиваться ветви, они надорвали ненужные больше ногти, и стали расти из самых пальцев. Старик стал пачкать простыни окровавленными руками. Санитарки ругались и привязывали ему руки. «Опять себя расцарапал старый», – озлобленно шептали они.

Когда настала очередь корней, старик бился на кровати так сильно, что пришлось привязать и ноги. Они как будто отделились от тела и жили сами по себе, с какой-то только им одним известной целью. Скручиваясь, они росли с каждым часом. И все меньше становилось старика. А потом совсем не стало.

Все силы старика перешли ко мне, и пробившись сквозь сырость и черноту земли, я увидел свет. Было тепло и спокойно, ничего больше не тревожило меня. Кроме девочки. Стоит она где-то сейчас осиною и считает родинки, а меня с ней нет.

Сова дядя Ваня

Дядя Ваня жил в пятом подъезде со дня его основания. Подъезд, конечно, появился не отдельно от всего девятиэтажного дома, однако с самого начала возведения и до сегодняшнего дня «пятый» существовал каким-то тайным, особенным образом, и разительно отличался от своих четверых собратьев. Началось все еще во время строительства. За подъездом плотно закрепилась дурная слава. Рабочие все время жаловались на головную боль, сонливость и понос. У их коллег, трудящихся на других участках, таких проблем не возникало. Может быть потому, что они не употребляли спирт от Фроловны, предпочитая ему старую добрую «Зеленую марку».

Поносом дело не кончилось. Начальник бригады Игорь, пронырливый мужчинок лет сорока, славившийся похабными анекдотами и умением дальше всех ссать с крыши, не справился со своими конечностями, сверзнулся с лестницы и сломал себе шею. Так подъезд взял свою первую жертву.

Прошло много лет, про бедолагу Игоря уже никто не вспоминал, приличные и уважаемые люди расселились по всем четырем подъездам. По всем кроме пятого. В нем традиционно проживали маргинальные элементы, не проходило и года без того, чтобы кто-нибудь не выпрыгнул из окна, не поколотил жену или мужа или не упился до белой горячки. Всех, кто селился в пятом, ждала незавидная участь. Даже если человек въезжал относительно приличным (имел несколько смен белья, цветной телевизор и дубленку), за год жизни в пятом он непременно опускался: терял работу, начинал пьянствовать, переставал менять исподнее и мыться.

Так случалось со всеми кроме дяди Вани. Был ли он крепче духом, или просто предпочитал водке марихуану – не известно. Поговаривали что-то о мощном ангеле-хранителе, но дядя Ваня на это только лукаво улыбался, скручивая в руке свежий выпуск журнала «Железный марш». Так или иначе, зло не коснулось дяди Вани: он по-прежнему работал резчиком по дереву, не пил, жарил вкусную картоху, а по вечерам читал книги или слушал музыку. По воскресеньям дядя Ваня выбирался в лес, говорил, что на охоту, но всегда возвращался с пустыми руками и таинственной улыбкой на лице. Из леса дядя Ваня приносил только красивые листья и веточки. Он подолгу смотрел на них, а потом брался за работу и всегда вытаскивал что-нибудь интересное: фигурку белочки, совы или подставку в виде осинового листа. Очень часто дядя Ваня дарил эти фигурки соседям просто, чтобы сделать им приятное. «Куда мне столько одному», говорил он, «Так и места в доме не останется».

Обитатели пятого подъезда от его подарков обычно отказывались, а если и брали, то продавали или обменивали на спирт. Другие соседи с радостью принимали и благодарили дядю Ваню за его доброту.

Разбитная бабка Прокопьевна часто спрашивала дядю Ваню почему он не женится и не заведет семью. Грустно улыбаясь, дядя Ваня всегда отвечал, что если он до сих пор никого не встретил, то значит, наверное, и не судьба ему. Прокопьевна задавала один и тот же вопрос каждый раз как видела дядю Ваню – она получала удовольствие от того, чтобы лишний раз напомнить одинокому человеку об его одиночестве. Однако дядя Ваня на нее не обижался и всегда терпеливо говорил с ней.

Как-то дядя Ваня возвращался из леса в особенно приподнятом настроении. У дома он столкнулся с Прокопьевной.

– А что это у вас в корзинке? Грибов что ли набрали?

– Совенка нашел, – смущенно улыбаясь, ответил дядя Ваня, приподнимая тряпку, которой была прикрыта корзина.

– Совы птицы дикие, – важно сказала Прокопьевна, как будто открытие сделала. – Пропадет, – весомо добавила она.

– Не пропадет, – уверенно ответил дядя Ваня. – Не пропадет соенок, – зачем-то повторил он.

На работе сразу заметили, как повеселел обычно задумчивый дядя Ваня. Заметили и то, как он торопится с уходом домой. Даже на обед стал ходить, хотя раньше всегда брал его с собой.

– Бабу завел, не иначе, – сказал усатый столяр Митя.

– Седина в голову – бес в ребро, – усмехнулся рыжий Василий.

Дядя Ваня действительно стал спешить, он хоть и любил свою работу, но дома ждал его соенок, шелкал клювом и пищал в ожидании, когда дядя Ваня вернется и накормит его.

Дядя Ваня устроил соенку импровизированное гнездо рядом со своим письменным столом. По вечерам, когда он читал книгу, соенок выбирался из гнезда и, цокая коготками по линолеуму, подходил к дяде Ване и небожно поклевывал его за пальцы ног.

– Скучно тебе? – спрашивал дядя Ваня и, посадив соенка на ладонь, аккуратно перемещал его на стол и подолгу гладил по маленькому клюву.

Спустя какое-то время соенок стал встречать дядю Ваню, когда он приходил с работы. Открыв дверь, и едва войдя в прихожую, дядя Ваня уже слышал цоканье совиных коготков по полу – его еще не умевший летать питомец спешил к нему, чтобы приветственно уцепиться за палец. Хорошо жилось дяде Ване с соенком, забота о нем занимала все свободное время дяди Вани, и он, чувствуя, что кому-то необходим, был счастлив.

Однажды, вернувшись с работы чуть раньше, дядя Ваня не услышал привычного цоканья. Подумав, что соенок спит, он осторожно разулся и на цыпочках прошел в комнату. Соенок лежал на полу лапками кверху. Его маленькие коготки были плотно сжаты, а глаза закрыты.

– Что же ты, соеночек? – Только и смог выговорить дядя Ваня и, упав на колени заплакал.

– Хороший соенок, – приговаривал дядя Ваня сквозь слезы, поглаживая маленький мертвый клювик.

– Хороший соенок.

Соседи долго не видели дядю Ваню. Зато они слышали совиное уханье, раздающееся из его квартиры. Сначала оно было надрывным и яростным, затем стало жалобным и печальным. Когда полиция вскрыла дверь, столпившиеся в коридоре соседи увидели сидящего на полу в куче перьев дядю Ваню. Рядом валялась разорванная подушка. Дядя Ваня ухал по совиному.

«Совсем не отличить от настоящей птицы», говорили те, кто когда-либо слышал крик совы.

После того, как Сову дядю Ваню определили на дурдом, жизнь в пятом подъезде как-то неожиданно наладилась. Люди стали приходить в себя: бросали пить, устраивались на работу, затевали ремонт. Чертовщина, гнездившаяся здесь, казалось, рассеялась. Возможно пятый подъезд наконец насытился, а может быть просто подавился светлой душой Совы дяди Вани.

Невеселая история

Вчера весь день они провели на воздухе, а сегодня у Леры поднялась температура.

– Сходи за лекарством для сестры, – сказала страшно занятая мама.

Аня побежала, перескакивая через две ступеньки. На улице шел снег, и Анина миссия была очень важной. Она воображала, что сестру поразило страшное проклятье, и только она одна может ей помочь. Не то что бы она слишком в это верила, просто реальность казалась ей не особенно интересной, и ей нравилось придумывать всякое. «Если бы я двигалась так же медленно, как все остальные люди, боюсь, что Лера уже бы умерла. Но я в пять раз быстрее, я не хожу, а практически летаю, бесшумно скольжу над поверхностью земли. Даже снег не успевает упасть мне на плечи». Несмотря на свои сверхчеловеческие способности, Аня была уже прилично усыпана снегом, который впрочем, по ее желанию легко превращался в белые перья, и она летела дальше. Она хотела сократить путь до аптеки и пошла напрямую, а не тем путем, что обычно. Может поэтому, а может быть потому, что слишком размечталась, Аня увидела перед собой не аптеку, а кирпичную стену. Стена была длинная, но не очень высокая, тем не менее, заглянуть за нее она не могла. Неужели придется признать, что заблудилась и вернуться назад? Этого Ане совсем не хотелось – ведь это займет столько драгоценного времени. Кто-нибудь, непременно, подскажет ей дорогу. Она стала оглядываться, но как назло никого не было, да и из-за снега ничего было не видно. Поскольку смотреть было особенно некуда, Аня посмотрела наверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.